

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КНИГИ

Первое издание книги М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание» вышло в свет в 1982 году в издательстве «Иерусалимский магазин русской книги „Малер“»¹. В 1997 году издательство «Школа „Языки русской культуры“» опубликовало «Символ и сознание» в обновленной редакции одного из авторов книги, Александра Моисеевича Пятигорского². В 2009 году Фонд Мераба Мамардашвили совместно с издательством «Прогресс-Традиция» выпустил издание, в котором собраны, через систему сносок и примечаний, все известные на сегодняшний день варианты текста книги, в том числе и машинописный вариант из архива Мамардашвили³. За короткий срок книга разошлась.

В настоящем издании книги за основу взят текст иерусалимского издания 1982 года, поскольку именно оно готовилось к печати обоими авторами. В текст внесена неучтенная в издании правка из машинописного экземпляра книги, принадлежащего М. К. и сохранившегося в

¹ *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). Иерусалим: «Иерусалимский магазин русской книги „Малер“», 1982.

² *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

³ *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. Предваряющий книгу текст «От редакторов» А. Парамонова и В. Файбышенко об истории создания книги был согласован с А. М. Пятигорским.

его архиве (в силу непростых обстоятельств подготовки иерусалимского издания дополнения и исправления М. К. были учтены тогда лишь частично).

По воспоминаниям Александра Моисеевича Пятигорского¹, идея совместной работы возникла у будущих соавторов в начале лета 1969 года, когда они «абсолютно случайно» встретились после многолетнего перерыва. Мамардашвили тогда был заместителем главного редактора «Вопросов философии», а Пятигорский работал в ИНИОНе. Встреча произошла в подъезде дома, в котором жил их давний общий знакомый Борис Андреевич Грушин. Правда, Пятигорский не знал об этом и оказался в этом доме по каким-то другим обстоятельствам. «Мы проговорили тогда минут двадцать, — вспоминает он, — стоя — где мы и встретились — на лестничной площадке, и этого оказалось достаточно, чтобы в нас созрело желание написания совместной работы».

С осени того же года они начинают встречаться, как правило, на квартире у Мамардашвили для «совместных занятий». Начало им положили разговоры о сознании или, как они их тогда называли, «беседы по феноменологии сознания». «Не принимая что-либо в качестве образца мышления, мы просто решили разговаривать о том, что каждый из нас думает о сознании. Беседы складывались из быстрых реплик и мгновенных ответов. Мы работали очень интенсивно. Иногда беседы могли продолжаться до позднего вечера, так что Мераб просил наших друзей не приходиться в такие дни в гости². В то время Мераб актив-

¹ Здесь и далее приводятся воспоминания А. М. Пятигорского, которыми он поделился со мной во время приезда в Москву в сентябре 2008 года и потом, уже находясь в Лондоне, в телефонных разговорах в декабре 2008 года — феврале 2009 года. — А. П.

² В интервью, опубликованном в 1993 году, А. М. Пятигорский на просьбу вспомнить самое дорогое для него мгновение в общении с Мерабом Константиновичем ответил так: «Когда мы работали над книгой „Символ и сознание“ и все время звонил телефон или стучали в дверь — это было в его московской комнате, в коммунальной квартире, — и я раздражался. Он говорит: ну что ты раздражаешься? Ведь если наша работа имеет смысл, то нас невозможно прервать. И все происходящее только подчеркивает непрерывность нашей работы. Кажется, он сказал даже, что стуки и звонки сосредотачивают. Я тогда посмеялся этому как шутке, но много лет спустя подумал, что это правда. Что если есть мысль, которая движется в известном направлении и должна обрести

но читал Гуссерля. В наших разговорах он часто отталкивался от модернистской, главным образом французской, поэзии и искусства в целом». Позицию Пятигорского, по его собственному свидетельству, определяли углублявшийся кризис в отношениях с московско-тартуской семиотической школой, одним из основателей и активных деятелей которой он являлся, и растущая неудовлетворенность семиотическими теориями. Совместные обсуждения оказались своего рода попыткой осуществления «*другого мышления*»¹.

Итогом этих многочасовых разговоров стала большая статья «Три беседы о метатеории сознания», подготовленная соавторами на основе расшифровки магнитофонных записей их бесед и названная так по содержательным причинам, а не по числу встреч.

В 1971 году «Три беседы...» выходят в тартуском сборнике². Эта публикация оказалась возможной благодаря

известную форму, то она непрерываема. Но есть усталость нашего стремления ее удержать. Как философ Мераб был гораздо одареннее меня, но это не было рецептом или нравочением, это был нейтральный опыт думающего человека» (Фокина О. Александр Пятигорский: «День Мераба продолжается» // Новая Юность. 1993. № 3. С. 171).

Мамардашвили, вспоминая то время, говорил о Пятигорском как о том редком человеке, с которым у него возникло «состояние обучения». Это сложилось «отчасти потому, что в нем есть эта склонность к думанию, отчасти — в силу того, что в запасе его думания были такие вещи, которые были мне до этого недоступны; они были закодированы в сокровищнице восточной философии, в частности буддийской» (Новая газета. 1993. 24 нояб. № 54).

¹ Из беседы А. А. Парамонова с А. М. Пятигорским 25 сентября 2008 года.

«Это был не возврат к чему-то прежнему и не восстановление чего-то прежнего. Это была попытка *другого мышления*...

— Значит, возможна новая философия?

Давайте заменим слово „новая“ словом „другая“. Маяковский и в какой-то мере, безусловно, Пастернак — были новой поэзией. А вот обэриуты — это была совершенно другая поэзия. Ее нельзя назвать новой. Это очень важное различие, потому что слово „новое“ обязывает нас занять привилегированную „историческую“ позицию...

Я думаю, что наиболее интересными оказались бы не философские, а литературные опыты поисков *другого*...»

² Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания (Краткое введение в теорию виджнянавады) // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту, 1971. С. 345—376.

инициативе Ю. М. Лотмана. По свидетельству Пятигорского, на Лотмана оказывалось сильное давление в связи с его решением издать статью, но не со стороны «советской власти», а со стороны научного сообщества. Некоторые филологи и семиотики встретили публикацию крайне отрицательно, вплоть до заявлений, что этим шагом Лотман скомпрометировал «хорошее» академическое издание¹.

По замыслу авторов «Три беседы...» должны были стать исходным материалом для работы над будущей книгой о сознании. «Мы должны были переработать их в книгу, — вспоминал Пятигорский, — но мы уже знали, что через два года я покину страну. Я принял такое решение»². В таких обстоятельствах о публикации книги в СССР не могло быть и речи, но идея написания совместного труда не была отброшена. Текст собирался из наборок и совместных обсуждений авторов по всему корпусу будущей книги. По настоянию Мамардашвили в качестве приложения был взят материал по проблеме межкультурных коммуникаций, который Пятигорский подготовил в свое время по личному заказу Лотмана еще до публикации «Трех бесед...».

¹ Так, В. Н. Топоров упрекал Ю. М. Лотмана в публикации «статей субъективных и ненаучных». По предположению последнего, имелась в виду именно эта статья (см.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 203*).

В беседе А. М. Пятигорский так прокомментировал высказанный упрек: «Сегодня, когда все это осталось позади, я могу согласиться с вынесенной оценкой. Конечно, статья „ненаучная“ в том смысле, что введение аксиоматики сознания означало отказ от семиотического и в целом от научно-позитивистского подхода. На память приходит сказанное Мерабом, когда мы еще только приступали к написанию статьи: „Ну, ты помнишь: главное — она не должна быть *научной*“».

В статье 1979 года (*Piatigorsky A. M. A meta-philosophical comment on Toporov's conception of «historical symbolism» // Wiener slawistischer Almanach. 1979. Bd. 4. S. 455–462*) Пятигорский, обсуждая положения концепции «исторического символизма» Топорова, отстаивает представление отношений символа и сознания, которое развивается в их с Мамардашвили совместной работе.

(Я благодарен Виктории Файбышенко за указание на данный аспект переписки Лотмана и на работу Пятигорского о концепции «исторического символизма» Топорова. — *А. П.*).

² Решение эмигрировать А. М. Пятигорский принял по собственному выбору.

Работа над книгой осложнялась и другими обстоятельствами. В конце 1971 года по указанию комиссии парткома МГУ были отменены курсы лекций сначала у Мамардашвили, потом у Пятигорского, которые они читали в университете. Незадолго до этого в МГУ был отменен еще один курс лекций, его читал С. С. Аверинцев. В последующие два с половиной года вплоть до своего отъезда Пятигорский уже не будет иметь возможности вернуться к преподаванию. Осенью 1972 года Мамардашвили по приглашению А. Н. Леонтьева, возглавлявшего в те годы психологический факультет МГУ, прочтет для студентов-психологов семестровый курс лекции по методологии психологии¹, который до этого вел Э. В. Ильенков². Такой же курс Мераб Константинович прочтет и осенью 1973 года, но это будет его последним завершенным курсом лекций в московском университете.

К началу 1974 года уже стало ясно, что Мамардашвили придется оставить работу в «Вопросах философии». На психологическом факультете МГУ в весеннем семестре он приступает к чтению расширенного и рассчитанного уже на два семестра курса лекций, который теперь называется «Проблемы анализа сознания в классической и современной философии». Но прочесть ему удастся лишь «классическую» часть³. Весной 1974 года А. Н. Леонтьеву позвонят из ЦК и потребуют «убрать» Мамардашвили с факультета, и, когда Алексей Николаевич категорически откажется это сделать, Мамардашвили будет уволен из МГУ по приказу ректора⁴.

Однако идею написания книги авторам осуществить удастся. В машинописном варианте из архива Мамардашвили (как и в последующих изданиях) предваряющее

¹ Этот курс лекций в архивных материалах Мамардашвили называется «Методологические проблемы сознания».

² Интервью В. П. Зинченко. 19 ноября 2002 года // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2.

³ Продолжением этого курса будут лекции по анализу сознания, которые в 1976 году Мамардашвили прочтет аспирантам Института общей и педагогической психологии и Института технической эстетики. Позднее весь курс лекций получит название «Проблемы анализа сознания. К основаниям научной рациональности».

⁴ Интервью В. П. Зинченко. 19 ноября 2002 года // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2.

книгу предисловие «От авторов» датируется: Москва — Химки-Ховрино, 1.1973—1.1974.

Первого июля 1974 года Пятигорский покидает СССР, он отправляется в Лондон. «Когда меня провожали, последними, кого я видел перед отлетом, были Мераб Мамардашвили и Юрий Левада, — вспоминал он. — Мераб и Юра сопровождали меня вплоть до красной пограничной линии». Владимир Петрович Зинченко, хорошо знавший Мамардашвили и Пятигорского, вспоминая совместную работу своих друзей, заметил как-то: «Они же были уверены, что никогда в жизни не встретятся. <...> Там было совершенно замечательное посвящение: „Авторы — друг другу“. Прощались»¹.

По действовавшим тогда правилам в список того, что выезжавшим из СССР не разрешалось брать с собой, помимо официальных документов (аттестатов, дипломов) попадали и рукописи, поэтому все подготовленные к тому времени материалы остались в Москве. Но друзья переписываются. Мамардашвили регулярно звонит в Лондон. Пятигорский вспоминает: «В Лондоне ко мне нередко заходили знакомые и друзья, приезжавшие в командировку из России, но звонить мне по телефону из Москвы опасались. Мераб был единственный, кто не боялся. А потом, в 80-е, когда приезжал в Москву уже из Тбилиси², звонил прямо с Центрального почтамта, что на бывшей улице Горького».

Судя по единственному сохранившемуся из переписке друзей письму Мамардашвили, уже вскоре после отъезда Пятигорского им удается какие-то материалы переправить друг другу, возможно через зарубежных знакомых или коллег, приезжавших в Лондон или Москву. Тогда же они обсуждают и возможности издания книги.

Из письма Мамардашвили Пятигорскому от 10 октября 1974 года³:

¹ Пять вечеров с профессором Зинченко. Вечер первый. О философах, психологах и харизмейкерах // Новая газета. Цветной выпуск от 3 октября 2008 года. № 38.

² В 1980 году Мамардашвили вынужден был переехать из Москвы в Тбилиси.

³ Оригинал письма хранится в архиве А. М. Пятигорского в Лондоне. Фрагмент письма приводится с любезного разрешения Елены Мамардашвили и Людмилы Стоковска-Пятигорски.

Лекции мои прикрыли. Какнибудь я постараюсь переслать экземпляр лекций тебе для «оживления голоса», послушай, только помни, что трубкой не затягиваются. Первая половина (до Маркса) в 250 стр. вполне готова и ходит по рукам в ксероксе, а вторая, современная, страниц 350—400, еще не вполне отредактирована (не дали ведь дочитать!), и я ее пока не выпустил из рук. Книге нашей здесь труба по понятным тебе причинам (это точно). По-сылаю тебе страницу, которой, очевидно, не хватает в твоём экземпляре. Я и дальше еще выловил блох в своих экземплярах (2-х), кое-что подправил и перепечатал кое-какие страницы (с любезной помощью «поклонников таланта» с ф-та), и, очевидно, через этих поклонников («поклонниц»?) несколько экземпляров, ксерокопированных, будет гулять. Ты должен будешь заниматься изданием книги сам и помимо, вне «Мутон»¹, который не должен перед ВААПом настаивать на ее издании — это единственная ситуация, которая для меня исключена, ибо откроет дорогу для давления на меня — в смысле занятия позиции по поводу книги. А в остальных вариантах — отбрехаюсь. Так что действуй сам. ВААП ее никогда не издаст, а будет лишь иметь удавку на меня².

Сохранилось лишь два письма Пятигорского из их переписки³.

Из письма Пятигорского Мамардашвили от 13 апреля 1975 года:

¹ Речь идет о голландском издательстве «Мутон». В 1973 году, после подписания СССР международной конвенции по авторским правам, в Москве было создано ВААП — Всесоюзное агентство по авторским правам, (с легкой руки Владимира Войновича известное и под другой аббревиатурой ВАПАП — Всесоюзное агентство по присвоению авторских прав), одна из функций которого состояла в предотвращении несанкционированного свыше издания за границей работ советских авторов. Любое издательство страны, подписавшей конвенцию, обязано было испрашивать у агентства разрешение на издание работы советского автора. От возможных негативных последствий такого шага и предостерегает в своем письме Мамардашвили.

² В этой цитате, как и в последующих цитатах из писем, сохранена авторская пунктуация и грамматика.

³ Оригиналы писем хранятся в семейном архиве Мамардашвили. Цитаты приводятся с разрешения Елены Мамардашвили и Людмилы Стоковска-Пятигорски.

Господи, но как мне нужно с тобой поговорить о таком важнейшем деле, как индивидуальность символа. Я хочу включить в свой семиотичекый курс нашу симвонологию, но в несколько измененном виде. Ради этого попытался даже Кассирера читать. Очень интересно, но утомляет тщательность и детальность мышления — и об интересующем меня — ни слова (как и у юнгианца Ноймана). А ведь если символ может быть действительно индивидуальным (как полагали гностики), т. е. связанным только с одним конкретным объектом (*et vice versa*), а я подозреваю, что он может быть таковым, то либо вся сосюрговская идея о принципиальной немотивированности языка объектами летит ко всем чертям, либо символизм есть нечто, решительно никакого отношения к языку не имеющее (думаю, что так оно и есть).

Из письма Пятигорского Мамардашвили от 26 июля 1978 года:

То, что ты пишешь об «одновременном удерживании» 2-х вещей Декартом, я скорее чувствую, нежели понимаю. Но вот, что я тебе скажу: я не хочу и не буду заниматься «первичными религиями». Только философское мышление, как особое мышление над мышлением (или «о мышлении») неособом — вот что меня занимает. И потому не хочу ничего читать, что нарастает отвращение ко всякой генетике и эмбриологии философии. Эдмунд Гуссерль, первый кто философски понял сложность актуального мышления, но, да будет мне непозволено сказать это, расстратил драгоценные годы на «систематизацию несистематизируемого». Оттого, думаю, что был слишком «повязан» культурой и наукой. Декарту жутко повезло, что вместо культуры, для него была одна цивилизация, что и даёт свободу. Я прочел opus magnum покойного Эдика¹. Это просто гениально, но насквозь культурно. Гораздо лучше Поппера, но также научно как у сэра Карла. Но я уже вообще не могу так мыслить — меня отвращает «обязательность» культурно-обусловленного знания, которое даже полноцен-

¹ Речь, вероятно, идет о работе их общего знакомого Давида Зильбермана (1938–1977) — философа, социолога культуры, эмигрировавшего в США в 1973 году.

ную рефлексию делает невозможной, куда там философию! Декарту, если я реально схватил смысл (в чем не уверен), принадлежит открытие мышления (*cogitatio*) в его неотрефлексированном и неконтекстуализированном виде. Мышление, как такое особое (в смысле — отдельное от других) состояние сознания, в отношении которого такие понятия как «закон» или «правило» являются не более, чем вторичными или, даже, третичными образованиями сознания, имеющими, возможно, совсем иные «сознательные» истоки или корни, чем само мышление. Оттого-то, мне кажется, и происходит вполне «законное» Декартовское пренебрежение «Я» (*ego*); *ego* — остается в сфере производных образований сознания (четвертичных, пятеричных и т. д.) — и философскому (а у Гуссерля — «логическому», а у Джеймса — «психологическому») анализу просто не подлежит. А с культурой-то, на самом деле, связано не «то, что мыслит», не «Я» и, даже — не «личность», а «человек». То есть, мы тогда имеем дело уже не с особым состоянием сознания, а с особой структурой сознания как с той содержательностью, которая просто не имеет отношения к философствованию...

По всей вероятности, в 1976 году через Эрнеста Геллнера, известного английского социолога и антрополога, который в то время бывал в Москве и по рекомендации Пятигорского познакомился с Мамардашвили, М. К. будет переслать Пятигорскому копию машинописного варианта книги со своими последними на тот момент исправлениями. Предположительно оригинал этого машинописного варианта с рукописными исправлениями Мамардашвили и сохранился в московском архиве.

Поскольку ясного плана публикации книги все еще не было, Мамардашвили продолжает работать над текстом, вносить исправления и дополнения в свой машинописный вариант, которые так и останутся в рукописи и не войдут в текст будущего иерусалимского издания¹.

¹ Разночтения между вариантом рукописи, сохранившемся в архиве М. К. Мамардашвили, и иерусалимским изданием книги «Символ и сознание» (1982), а также фрагменты рукописи, не вошедшие в издание 1982 года, представлены в московском издании 2009 года. (Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили).

В 1978 году Пятигорский передает материалы книги для написания предисловия эмигрировавшей к тому времени в США Лидии Ворониной, бывшей слушательнице его и Мамардашвили лекционных курсов. Как вспоминал Александр Моисеевич, над окончательным вариантом текста он наиболее активно работал с 1980 по 1982 год вдали от Лондона, во время своих приездов к родителям в Иерусалим. Там же он познакомился с Изей Малером, владельцем небольшого издательства «Иерусалимский магазин русской книги „Малер“», в котором и будет опубликована книга.

Нисколько не преуменьшая значения выхода в 1982 году иерусалимского издания, нельзя не признать, что идеи этой книги стали известны в СССР несколькими годами раньше. Уже с конца 1974 года ксерокопии существовавшего на тот момент машинописного варианта «Символа и сознания» начинают расходиться сначала по Москве, а потом и по стране.

Книга продолжает жить и сейчас, завоевывая поколения читателей и подхватываясь всегда новой энергией понимания.

*Андрей Парамонов
Москва, май 2011 г.*